

УДК 342.56

ББК 67.7

DOI 10.22394/1682-2358-2023-1-91-96

E.V. Goltsman, Senior Lecturer of the Administrative Activities of Internal Affairs Bodies Department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Competitor of the History and Theory of State and Law Department, Nizhny Novgorod Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SYNERGY IN THE ACTIVITIES OF BAILIFFS AND THE JUDICIAL AUTHORITY: HISTORY AND MODERNITY

The powers of bailiffs and judicial authorities in the process of their interaction both in the Russian Empire and in the Russian Federation are analyzed. At the stages of comparison, the features of each designated historical period are taken into account, there is a certain kind of correlation with the state structure of the country, the political regime and economic factors. The author emphasizes the need to update this issue due to the multidimensional reform of the institution of bailiff.

Key words and word-combinations: bailiffs, judicial authority, judicial reform of 1864, judicial reform in the Russian Federation, chrono-discret monogeographical comparative jurisprudence.

Е.В. Гольцман, старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России, соискатель кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: e.v.golz@yandex.ru)

СИНЕРГИЗМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ И ОРГАНА ПРАВОСУДИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. Проводится сравнительный анализ полномочий судебных приставов-исполнителей и органов правосудия в процессе их взаимодействия в Российской империи и в Российской Федерации. На основе особенностей каждого обозначенного исторического периода выявляется определенного рода корреляция от государственного устройства страны, политического режима и экономических факторов. Делается вывод о необходимости актуализации данного вопроса в процессе многоаспектного реформирования института судебного пристава.

Ключевые слова и словосочетания: судебные приставы, орган правосудия, судебная реформа 1864 г., судебная реформа в Российской Федерации, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

Результативность и эффективная работа судебного механизма обусловливается своевременной и грамотной реализацией решений и постановлений су-

дебных органов, что является первоочередной задачей исполнительного производства. Как известно, от результативности исполнения судебных решений зависит гарантированность прав человека, благосостояние общества и авторитет государства. Институт судебных приставов является одним из хронодискретных институтов [1; 2] в отечественной истории, который изучается при помощи ХМСР-методологии [3, с. 91–105; 4, с. 9–12; 5, с. 63]. Подобный институт функционировал в Российской империи с 1864 по 1917 г., возрождение его в Российской Федерации произошло в 1997 г. Хронодискретная пауза просуществовала более восьмидесяти лет. Институт судебных приставов действует и сегодня, но с 2020 г. его статус принципиально изменен: ныне Федеральная служба является правоохранительным органом.

Анализ заявленной проблематики с позиции ХМСР-методологии позволит выяснить взаимодействие судебных приставов с судом в контексте функциональных основ дореволюционной России и Российской Федерации с оценкой роли органа правосудия в процессе исполнения судебных решений на двух исторических этапах.

Проведение сравнительного анализа требует исследования нормативной базы Российской империи и Российской Федерации. Нормативным источником в Российской империи являлось Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. (далее — УСУ); в Российской Федерации круг нормативных правовых актов намного шире: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», который до 1 января 2020 г. назывался «О судебных приставах» и Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 14 июля 2022 г.); Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.); Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 11 июня 2022 г.); Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 11 июня 2022 г.).

В российском дореволюционном законодательстве приставы состояли при суде. Именно поэтому синергия в их деятельности прослеживалась достаточно четко. Судебные приставы обладали значительной самостоятельностью и осуществляли свои полномочия под свою ответственность. Суд практически не участвовал в организации исполнительного производства, что подтверждалось содержанием ст. 925 Устава

гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (далее — УГС), однако функция контроля была в приоритете.

Во-первых, контроль выражался в получении от судебного пристава документа, в котором фиксировались сведения об избранных способах исполнения, что впоследствии перерастало в формализм, так как у председателя суда не было права каким-либо образом влиять на способ взыскания, выбранный взыскателем (ст. 940 УГС). Изначальная цель данного контроля была достаточно разумной и состояла в том, чтобы исключить ошибки на первой стадии исполнительного производства.

Во-вторых, функция контроля реализовывалась путем изучения отчетной документации приставов и методом конструктивного анализа жалоб, поступающих на их действия. Заслуживает внимания то обстоятельство, что для судебных приставов были предусмотрены многочисленные отчеты для суда (ежемесячные, за четыре месяца, за год). В них содержались статистические данные об исполнимости поручений, количестве поступивших исполнительных листов с указанием сумм взысканий, о содержащихся в приходно-расходных книгах данных и другое [6, с. 168].

Следует отметить, что закон минимизировал участие суда в организации исполнительного производства, но не исключал его полностью. Об этом свидетельствует тот факт, что судебный пристав не обладал полной самостоятельностью в решении таких вопросов, как прекращение и приостановление действий по начатому исполнению, либо должен был единолично отложить исполнение решения. Определение суда или предоставление расписки взыскателя о получении присужденной суммы, заверенной полицией, нотариусом или мировым судьей, являлись обязательным условием в урегулировании подобных ситуаций (ст. 952 УГС).

Во взаимодействии приставов и органов правосудия важное значение придавалось ревизиям, которые суды проводили весьма часто. Это касалось делопроизводства судебных приставов, которые должны были вести книги различной функциональной направленности (книга записи поручений, книга фиксации исполненных служебных действий и др.). Отдельное делопроизводство приставов обуславливал контроль по исполнению актов органов гражданской юрисдикции. Письменное закрепление исполнительных действий являлось также защитой прав должностного лица, взыскателя и должника (составление описей, производство оценки или торга и др.). Ревизию проводили председатели судов или, за редким исключением, — член суда (по решению общего собрания суда). По результатам проверки выносилось заключение, на основании которого виновного пристава могли привлечь к ответственности.

Специфической формой контроля за функционалом судебных приставов являлась деятельность самих участников исполнительного производства, а именно их право подавать жалобы в суд. Судебные приставы могли понести дисциплинарную ответственность за незаконные действия или неправомерное исполнение судебного решения [7, с. 154]. В случае подачи жалобы суд обязывался назначить проверку законности действий судебного пристава, находившегося в его прямом подчинении.

Исследуя взаимодействие судебных приставов и судов, М.А. Клепикова пишет, что судебные приставы в Российской империи действовали от лица председателей судов, были в прямом их подчинении и являлись неотъемлемой частью судебной системы [8, с. 23]. На наш взгляд, этот вопрос является дискуссионным, так как судебные приставы, несмотря на формальную координацию их действий судами, обладали неким «свободным» статусом и нередко принимали решения исходя из собственного интерпретирования закона и под свою ответственность. В сложившейся юридической практике В.В. Захарова отмечает «сочетание отношений как дисциплинарного характера, предполагавшего субординацию, так и процессуального партнерства» [6, с. 173] судебных приставов и судов. Судебных приставов можно рассматривать как связующее звено между судом и тяжущимися. Приставам отводилась важная роль как на стадии исполнения судебного решения, так и в процессе всей судебной деятельности.

Рассматривая теоретическую и практическую стороны исполнительного производства в Российской Федерации, также можно выявить синергетические составляющие между судебными приставами и органом правосудия — судом. Проанализировав процесс синергии судебной власти и исполнительной в более широком смысле, придем к выводу, что на степень исполнения решений и постановлений судов влияют два ключевых фактора. Во-первых, результативность сотрудничества судебных органов и органов исполнения и, во-вторых — качество исполнимости судебного решения [8, с. 46; 9, с. 136]. Второй фактор касается жизненных обстоятельств, в силу которых гражданин не имеет возможности выплатить денежные средства, а постановление суда уже вынесено. Эти обстоятельства предполагают отсутствие собственности, статус безработного, недавно освободившегося из мест лишения свободы и т.п. Такое решение суда безнадежно, и с самого начала имеет вектор на неудовлетворительный исход. Эвентуальная исполнимость постановления суда имеет под собой основу тесной совместной деятельности органов исполнения и суда, которая четко определена законодательством. Соответственно, суд не имеет права оказывать влияние на действия судебных приставов, если данная область вопроса не закреплена нормативно [10, с. 25; 11].

В настоящее время точкой отсчета во взаимодействиях суда и органа принудительного исполнения служит постановление суда о возбуждении исполнительного производства. В направленности функциональных полномочий суда, главным образом в сфере контроля, прослеживается определенное сходство с аналогичными отношениями в дореволюционной России. Это касается ситуаций при рассмотрении жалоб заинтересованных лиц на действия (или бездействие) судебного пристава-исполнителя (ст. 128 Федерального закона «Об исполнительном производстве»), а также случаев окончания исполнительного производства как в связи с фактическим исполнением исполнительного документа, так и при возвращении исполнительного документа взыскателю.

В отличие от Российской империи важным условием современного понимания сотрудничества и связующих элементов любых органов власти является унифицированное интерпретирование одних и тех же законов, отдельных норм и документов. Именно поэтому после возбуждения исполнительного производства судебный пристав-исполнитель в случае неясности исполнительного документа вправе обратиться в суд, принявший судебный акт, на основании которого выдан этот исполнительный документ, с заявлением о его разъяснении (ч. 1 ст. 433 ГПК РФ; ч. 1 ст. 355 КАС РФ применительно к ч. 1 ст. 179 АПК РФ; ст. 32 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

В случае выбытия одной из сторон исполнительного производства (например, смерть гражданина, реорганизация организации, уступка права требования, перевод долга) правопреемника определяет суд на основании судебного акта.

Таким образом, и в законодательстве Российской империи, и в законодательстве Российской Федерации прослеживается прямая взаимосвязь судебных приставов и органа правосудия. Схожи также контролируемые функции суда в исполнительном производстве. Вместе с тем в дореволюционной России приставы, хотя и состояли при суде, но обладали значительной самостоятельностью. В Российской Федерации органы принудительного исполнения связаны с правоохранительными органами, что обуславливает определенные правовые последствия. Дифференцирование полномочий судебной власти в лице суда и власти исполнительной в лице судебных приставов-исполнителей является одним из средств реализации конституционного принципа разделения властей и тем самым способствует качественному функционированию всего механизма государства. Современное законодательство более фундаментально аккумулирует и решает актуальные вопросы, связанные с реализацией постановлений судебных органов, эффективностью и результативностью функционирования судебной системы. В свою

очередь, сравнение синергетических особенностей и определенных взаимосвязей органов принудительного исполнения и органа правосудия могут представлять определенный интерес и в теоретическом, и в практическом аспектах.

Библиографический список

1. Гольцман Е.В. К вопросу о хроноразрыве в истории института судебных приставов в России // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2018. С. 156–158.
2. Российские хронодискретные институты / кол. авт.; под ред. А.А. Демичева. М., 2022.
3. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: проблемы методологии: / кол. авт.; под ред. А.А. Демичева. М., 2021.
4. Демичев А.А. О роли исторического подхода в методологии хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Третьей Всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. Н. Новгород, 2020. С. 9–20.
5. Илюхина В.А. Принципы права как предмет хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения // Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения: сборник научных трудов по материалам Второй Всероссийской научной конференции / под ред. А.А. Демичева, К.А. Демичева. Н. Новгород, 2019. С. 39–47.
6. Захаров В.В. Будет исполнено! Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в дореволюционной России (1864–1917 гг.). Курск, 2007.
7. Гольцман Е.В. Юридическая ответственность судебных приставов в Российской империи и Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 2 (54). С. 151–157.
8. Порошин Е.А. Исполнимость нормативных правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
9. Демичев А.А. Проблема исполнимости постановлений судов (на примере гражданского судопроизводства) // Актуальные проблемы правоприменительной деятельности: теория и практика: Материалы ежегодной научно-практической конференции (г. Ульяновск, 27–28 окт. 2005 г.). Ульяновск, 2005. С. 136–147.
10. Шакитько Т.В. Процессуальный порядок рассмотрения судом дел, возникающих из исполнительных правоотношений / под ред. О.В. Исаенковой. Краснодар, 2005.
11. Клепикова М.А. Проблемы правового положения органов принудительного исполнения в исполнительном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.